

Глава первая
ПЁТР I И ЖИТЕЛИ
«ЖЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЫ»

I

Царские дети в Московский период русской истории воспитывались и обучались, как и дети боярские. О просвещении их заботились мало: после церковной азбуки выучивали только наизусть часослов, псалтырь и другие церковные книги; даже письму учили мало, и многие из царских грамотеев умели только подписывать с грехом пополам своё имя. Если царский сын и доходил до знания грамоты и возможности читать книги богослужебные, то о других науках — математике, географии, истории — он имел самые скудные понятия; да и книг по этим предметам, как известно, у нас тогда почти не было. Отечественная история изучалась по преданиям, а в них рассказывалось лишь о войнах и под-

вигах ратных людей. О жизни других народов, об устройстве вселенной, о жизни и явлениях природы они имели самые смутные представления, рассказывая о них нелепые сказки, какие ходят и теперь в тёмном народе.

Однако уже прежние цари, Иоанн Грозный, Борис Годунов, понимали, что такое низкое состояние умственного просвещения нашего Отечества — явление в высшей степени печальное, и пытались положить этому предел. Иоанн Грозный завёл в Москве первую типографию; Борис Годунов был озабочен образованием своего сына, который учился уже немного географии, истории и другим первоначальным наукам. Лоском польской образованности, хотя бы и поверхностной, отличался и таинственный самозванец Димитрий, столь недолго усидевший на московском престоле. Польская образованность была не чужда и царю Федору, сыну и преемнику государства Алексея Михайловича; он был учеником знаменитого западнорусского монаха Симеона Полоцкого, умел читать по латыни и по-польски, а также выучился складывать стихи (вирши). Даже сестра его София, временно захватившая в свои руки бразды правления, не чужда была польского образования, что для того времени считалось делом необыкновенным, так как светские женщины XVII столетия сплошь были неграмотны.

Хотя и незначительны были познания детей царя Алексея Михайловича, однако уже одно про-

никновение в царский терем начал польской образованности свидетельствует, что тьме прежнего невежества наступал уже близкий конец и что с новыми веяниями постепенно должны были проникнуть к нам и лучи европейского просвещения. Лучшие люди понимали, что без этих знаний обойтись нельзя, что без них не могут развиваться у нас промышленность и торговля, с которыми неразрывно связаны богатство и благополучие народа, что без просвещения нельзя упорядочить и военного дела, на котором стояла крепость и мощь тогдашнего государства. Россия вела непрерывные войны с соседями, а для этих войн нужны были искусные и просвещённые полководцы, которые могли бы отражать нападения вражеских войск, правильно обученных и снабжённых, в противоположность нашим войскам, усовершенствованными орудиями.

Все эти обстоятельства и послужили толчком к привлечению в Москву иностранных, преимущественно польских и немецких, торговых и ратных людей, число которых с каждым годом увеличивалось. Вот эти-то польские и немецкие люди, не вызывавшие к себе сочувствия и любви русских старых людей, и внесли в нашу жизнь стремление к просвещению.

Иностранцы резко разнились от наших соотечественников не только по вере и обрядам церковным, но и нравами, образом жизни и понятиями. Они не вели замкнутой жизни; женщины не сидели у них

всю жизнь взаперти, но пользовались одинаково с мужчинами всеми доступными удовольствиями. Иноземные пришельцы видели много на своём веку, о многом могли рассказать и, конечно, относились с неуважением к неподвижной и отсталой во всех отношениях русской жизни. Русские люди, со своими предрассудками и преданиями старины, косились на открытый образ жизни иностранцев, на их увеселения и манеру держать себя просто и непринуждённо. Отсюда произошли явная рознь и недоброжелательство между теми и другими, вследствие чего иностранцам в конце концов была отведена окраина города, где они и устроили себе особое поселение, так называемую «Немецкую слободу».

Этой-то «Немецкой слободе» и суждено было сыграть огромную роль в жизни царя-богатыря, почерпнувшего здесь, будучи еще юношей, семена тех великих деяний, которые вывели Россию на широкую дорогу европейского просвещения и ввели ее в круг остальных европейских народов.

Царь Алексей Михайлович был женат в первый раз на девушке из боярского рода Милославских, от которой имел восемь дочерей и пять сыновей. Три дочери скончались, а оставшиеся в живых отличались крепким сложением и великолепным здоровьем; одна из них, Софья, кроме того, выделялась

обширным умом, проницательностью и твёрдым честолюбивым характером. Что касается сыновей, то все они родились слабыми, болезненными; трое умерли еще при жизни отца, а из оставшихся двоих старший страдал разными недугами, младший же — Иоанн, при немощах тела, был и слабоумен.

Овдовев на сороковом году от роду, Алексей Михайлович решил вступить во второй брак, для чего, по обычаям того времени, должны были собраться во дворец девицы знатных родов, из коих государю и предстояло избрать себе вторично подругу жизни. Выбор государя сильно волновал бояр: от этого выбора зависели власть, почести, богатство того рода, из которого царь возьмёт себе супругу. Близкий к государю боярин, Артамон Сергеевич Матвеев, познакомил его со своей приёмной дочерью, Натальей Кирилловной Нарышкиной, и Москва вскоре узнала, на ком остановился выбор Алексея Михайловича.

Двадцать второго января 1671 года он обвенчался с приёмной дочерью Матвеева, красавицей Натальей Кирилловной Нарышкиной, которая вскоре и сделалась первым лицом в государстве после царя. Род Нарышкиных и Матвеевых торжествовал: к ним перешло главное влияние на дела управления, а значение Милославских при дворе пало. Возвышение Нарышкиных и падение Милославских имело, спустя короткое время, чрезвычайно важные последствия и послужило источником многих смут и волнений.

В ночь тридцатого мая 1672 года, перед рассветом, царица Наталья Кирилловна подарила своему супругу сына, известного во всемирной истории под именем «Петра Великого». Счастью родителей не было конца, и рождение сына было отпраздновано воистину по-царски: приближенные были щедро осыпаны денежными и другими наградами; пиры, праздники сменялись быстрой чередой и отличались удивительной пышностью и торжественностью.

Так, например, обед двадцать девятого июня в Грановитой палате поразил всех своими затейливыми блюдами; стол, кроме яств, был загромождён всякого рода сахарами, пряниками и овощами. Большая пряничная коврига изображала герб Московского государства. Два сахарных орла весили каждый по полтора пуда, лебедь — два пуда, утка — полтора, попугай — полпуда. Был сделан также из сахара целый город, кремль с людьми, конными и пешими, и другой город четырёхугольный с пушками. Всем присутствовавшим на обеде гостям были розданы сахарные подарки размером соответственно значению и положению гостя в государстве.

Первою заботою о новорождённом младенце со стороны родителей было снять с него «меру долготы и широты», и в эту меру заказать икону тезоименитого его ангела. Эта мера рождения сохраняется и поныне над гробом императора. Второю заботою было окружить новорождённого добропорядочным и надёжным штатом. В мамки к Петру назначена

была сначала княгиня Ульяна Ивановна Голицына, а потом — боярыня Матрена Романовна Леонтьева; кормилицей была Ненила Ерофеева.

Колыбель ребёнка отличалась роскошью. Она была сделана из турецкого золотного бархата, расшитого затейливыми серебряными и золотыми рисунками; подкладка колыбели была рудожелтая, ремни обшиты венецианским бархатом; верхние покрышки перинки и тюфяка были сшиты из тафты, а набивкой служил пух лебединый, белый и чистый. Из пуха и тафты были сделаны и подушки. Постельные принадлежности менялись каждый год.

Не менее богато было и одеяние Петра: когда ему минуло пять месяцев, ему нашиты были золотые парчовые кафтаны. Гардероб его был чрезвычайно разнообразен, и каждый месяц пополнялся новыми принадлежностями; у него была шапка, унизанная жемчугом и драгоценными камнями, еще шапка бархатная с собольим околышем, несколько пар унизанных жемчугом башмаков, богатый опашень с нашивкой и кружевом, низанными крупным жемчугом (597 зёрен) и с шестью изумрудными пуговицами на золотых закрепах, более десяти шёлковых, атласных и парчовых кафтанов.

Царевич со всем штатом, мамою, кормилицею и другими служебными лицами, помещался в отдельных деревянных небольших хоромах, которые внутри были обиты сукном; собственная же комната Петра обита была серебряными кожами. Когда

Петру минуло два года, для него были выстроены отдельные хоромы, в которых полы, стены, оконные рамы были покрыты алым сукном. Таким же сукном был покрыт и стол. Полавочники на лавках были сшиты из багреца с каймами из белого сукна, по которому нашиты травы из сукна жёлтого и лазоревого. Впоследствии царевичу было сделано кресло из рудожелтого бархата с галуном и столик, расписанный красками, золотом и серебром. В то время стекло в рамках еще не употреблялось и его заменяла слюда; из слюды были сделаны и окна в комнатах маленького Петра. Искуснейший живописец, Иван Салтыков, расписал их разными рисунками: в середине был изображён орёл, а по бокам — травы. Рисунок был сделан так, чтобы из комнаты на улицу все было видно, а оттуда в хоромы ничего. По тогдашнему обычаю, все царские дети бережно скрывались от посторонних глаз, — царевичи до тринадцатилетнего возраста, а царевны — на всю жизнь.

В такой роскоши и затейливом богатстве проходили первые годы Петра, впоследствии того самого царя-плотника, который в жизни всего более презирал и преследовал именно эту самую ненужную роскошь и изнеженность. Таким образом, начало жизни не оставило на его характере и последующем складе привычек никакого следа. Из этого раннего возраста он вынес лишь одно, и очень важное, — цветущее здоровье, крепость телесную и раннее развитие физических сил. Уже шести месяцев он

начал ходить по своим хоромам один или с помощью ходячих кресел на колёсах, обитых на хлопчатой бумаге атласом с серебряными галунами.

Но, наряду с быстрым развитием физических сил, в царевиче замечен был и поражавший всех рост сил духовных. Всё свидетельствовало, что маленький Пётр — ребёнок необычайный, совершенно не похожий на остальных братьев и сестёр, кроме Софии, с которой у него сказывалось нечто общее в характере.

Алексей Михайлович с молодой красавицей женой души не чаяли в ребёнке, окружали его роскошной обстановкой, наряжали в богатые платья и одаряли всевозможными игрушками, приходившимися царевичу особенно по нраву.

Через год после рождения, к именинам, царевичу был сделан деревянный конь, или «потешная лошадка», во всем уборе. Конь был обтянут настоящей лошадиной кожей; седло со стременами, пряжками и запряжниками было вызолочено и высеребрено. Затем следовал ряд подарков — игрушечных зверей (лошадей, львов) и пушек. Органист Гутовский устроил царевичу клавикорды-струны медные, починял ему цимбалы немецкого изготовления и сам смастерил пару цимбальцев, из коих одни имели форму книжки в сафьянном алом переплёте, с зо-

лотым наводом, с застёжками из серебряного с шелками галуна. Когда царевичу минуло два года, в хоромах его повесили качели на верёвках, обшитых бархатом.

Зимой царевич вволю катался в санках с ледяных гор, а летом торжественно разъезжал по улицам Москвы в потешной каретке, которую ему подарил Артамон Сергеевич Матвеев. Каретка эта была маленькая, а в ней четыре темно-карих лошадки с бархатной шлейей и вызолоченной упряжью. Окна в каретке были хрустальные, расписанные красками, и с изображениями на них царей и королей всех земель; внутри каретка была обита бархатом с разводами, а снаружи ее окружала золотая бахрома. Выезд царевича был торжественный: по бокам шествовали четыре карлика, а пятый ехал позади на крохотном иноходце.

Кроме этих игрушек ему часто покупали в лавках серебряную столовую миниатюрную посуду, а также — куклы в полном наряде. Художник Салтыков являл свое искусство и в расписывании красками разных принадлежностей игр маленького Петра; так, ему велено было однажды расписать гнездо голубей, гнездо канареек, щеглят, чижей и даже стадо баранов, причём баранов ему нужно было сделать так, чтобы шерсть у них была настоящая.

Но эти мирные игрушки, не требовавшие применения живой деятельности, скоро перестали удовлетворять царевича, который, после двух лет

жизни, уже стал в один уровень, по своим потребностям в развлечениях, со старшим братом — болезненным Иваном. Так, в 1674 году ему, наравне с восьмилетним Иваном, покупают в городе лучки и стрелы. Художники расписывают золотом и серебром детям Алексея Михайловича, для военных потешных забав, знамёна, барабаны и бубны. Царевич Пётр уже свободно обращается с топориками, ножами и молотками. Когда ему шёл всего четвёртый год, в числе его игрушек встречались маленькие пушки, пистолы (пистолеты), карабины (ружья) и пищали винтованные, с деревянными замками и стволами, а также булавы и сабли в ножнах, с золочёной оправой, палаши и пики. Все эти принадлежности военных забав требовались в достаточно большом числе, так как царевич веселился ими не только вдвоём с малоподвижным братом, но с целю толпой сверстников-товарищей, которые шумно разделяли воинские подвиги малолетнего Петра.

Ровесники его, «робятки», как их называли во дворце, вербовались из детей спальников и карликов. За исключением карликов, названные сверстники набирались из детей бояр и в особенности из родственников царицы, близких и дальних. В числе *робяток* — товарищей Петра мы встречаем имена Нарышкиных, Головкина, Матвеева, князя Черкасского, князя Мещерского, князя Голицына; Стрешнева и других. Карликами же при нём состояли Никита Гаврилов Комар, Василий Родионов, Иван и Емельян Кондратьевы. Одеты они были